

В Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации
(121260, г. Москва, ул. Поварская, д.15)

От Истца: Акционерное общество «Фармамед»

ОГРН 1027700452416, ИНН 7723021855,
адрес места нахождения: 109382, г. Москва, улица Судакова, д. 10,
этаж 4, каб. 414,
телефон: +7 (909) 955-12-94,
e-mail: vvs@freytakandsons.com

Ответчик: Акционерное общество «Нижегородский химико-фармацевтический завод»

ОГРН 1025203731937, ИНН 5260900010,
адрес места нахождения: 603950, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Салганская, д. 7
адрес для корреспонденции: 123100, г. Москва, Пресненская наб., д. 8, стр. 1, 14 этаж, Bryan Cave Leighton Paisner (Russia) LLP, вниманию Елены Трусовой, Евгения Орешина

Дело № А40-198919/2019

Государственная пошлина: 3.000-00 рублей

Дата: 27.10.2020 г.

КАССАЦИОННАЯ ЖАЛОБА

на Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.09.2020 г.
по делу № А40-198919/2019¹

АО «Фармамед»² обратилось в Арбитражный суд города Москвы³ с иском к АО «Нижфарм»⁴ о взыскании задолженности по Договору о передаче прав на регистрацию товарных знаков⁵ от 25.10.2013 г⁶. в размере 1.842.368.529-60 рублей.

Решением Суда первой инстанции от 26.12.2019 г. по делу № А40-198919/2019, законность и обоснованность которого была впоследствии подтверждена Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда⁷ от 22.06.2020 г. № 09АП-8235/2020 по делу № А40-198919/2019, исковые требования Истца были удовлетворены в полном объеме.

---

¹ Далее по тексту – *Постановление*;

² Далее по тексту – *Истец*;

³ Далее по тексту – *Суд первой инстанции*;

⁴ Далее по тексту – *Ответчик*;

⁵ Далее по тексту – *Права на заявки*;

⁶ Далее по тексту – *Договор о передаче Прав на заявки*;

⁷ Далее по тексту – *Суд апелляционной инстанции*;

Своим Постановлением Суд по интеллектуальным правам отменил Решение Суда первой инстанции и Постановление Суда апелляционной инстанции, принял по делу новый судебный акт, которым отказал Истцу в удовлетворении его требований к Ответчику.

Указанное Постановление в своём обосновании содержало следующие выводы Суда по интеллектуальным правам:

1. Суды первой и апелляционной инстанции неправильно применили нормы статьи 170 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸ о последствиях совершения притворных сделок, руководствуясь при разрешении спора положениями Договора о передаче Прав на заявки;
2. Суды первой и апелляционной инстанции неверно истолковали положения Договора о передаче Прав на заявки;
3. Суды первой и апелляционной инстанции неверно применили правила ГК РФ о течении срока исковой давности;
4. Истцу следует отказать в защите его права на основании статьи 10 ГК РФ вследствие совершенного им противоречивого поведения.

По мнению Истца, Суд по интеллектуальным правам ошибочно пришел к каждому из названных выводов и неправильно применил нормы материального права, о чем будет подробно указано далее.

Более того, при рассмотрении законности Решения Суда первой инстанции и Постановления Суда апелляционной инстанции Суд по интеллектуальным правам допустил существенные нарушения процессуальных норм, выйдя за пределы рассмотрения в арбитражном суде кассационной инстанции, а именно:

1. Установил новое обстоятельство о сконструированной арбитражными судами при рассмотрении дела № А41-103588/17⁹ сделке между Истцом и Ответчиком;
2. Отверг установленное Судом первой инстанции обстоятельство о включении сторонами в Договор о передаче Прав на заявки условия gross up и установил новое обстоятельство отсутствия такого условия в договоре;
3. Переоценил имеющиеся в деле доказательства действительной воли сторон договора, придя к противоположному с Судом первой инстанции выводу об отсутствии воли Ответчика уплатить стоимость Прав на заявки свободной от любых налогов;
4. Необоснованно не учёл вывод арбитражных судов, рассматривавших Налоговый спор Истца, о том, что Истец и Ответчик взаимодействовали непосредственно друг с другом на всех этапах сделки по продаже Бизнеса Аквалор;
5. Сослался на доказательства (договоры, указанные в п. 6), которых нет в материалах дела и которые вовсе не могли быть исследованы ни Судами первой и апелляционной инстанции, ни самим Судом по интеллектуальным правам;
6. Установил новое обстоятельство отсутствия в договорах, заключенных между Эльвинто Альянс Инк. и Баттервуд Холдингс Лтд, а также в рамочном договоре, регулирующем общие вопросы продажи Бизнеса Аквалор, условия gross up.

На основании изложенного, Истец полагает Постановление незаконным и необоснованным и подлежащим отмене, а Решение Суда первой инстанции и Постановление Суда апелляционной инстанции подлежащими оставлению в силе.

Более подробно нарушения норм материального и процессуального права, допущенные Судом по интеллектуальным правам в Постановлении, будут рассмотрены далее.

---

⁸ Далее по тексту – **ГК РФ**;

⁹ Далее по тексту – **Налоговый спор Истца**;

1. Суд по интеллектуальным правам пришёл к ошибочному выводу, что к отношениям Истца и Ответчика не должен применяться Договор о передаче Прав на заявки.

К указанному выводу Суд по интеллектуальным правам пришёл путём следующей цепочки суждений:

- Суд первой инстанции обоснованно пришёл к выводу о необходимости учесть обстоятельства, установленные арбитражными судами при рассмотрении Налогового спора Истца. Причём данные обстоятельства «подлежат учету в полном объеме, без каких-либо изъятий»;
- Арбитражные суды при рассмотрении Налогового спора Истца, признавая совокупность сделок по продаже товарного знака «Aqualog Аквалор»¹⁰ и Прав на заявки притворной, «сконструировали новый договор между Истцом и Ответчиком, предметом которого является продажа прав на товарный знак за вознаграждение в размере 131.000.000 евро»;
- Поскольку Договор о передаче Прав на заявки не совпадает со сконструированным арбитражными судами договором по предмету, постольку все условия указанного договора в силу указания статьи 170 ГК РФ являются ничтожными и не могут учитываться при рассмотрении спора;
- Поскольку в других признанных притворными сделках отсутствует условие gross up, постольку у Суда первой инстанции не было оснований применять это условие.

Однако Суд по интеллектуальным правам допустил существенные нарушения норм материального и процессуального права при формировании указанной цепочки суждений на основании нижеприведённых доводов.

Во-первых, Суд по интеллектуальным правам вышел за пределы рассмотрения дела судом кассационной инстанции, установив по делу новое обстоятельство.

В соответствии со статьёй 287^{п.2} Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации¹¹ *«Арбитражный суд, рассматривающий дело в кассационной инстанции, не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены в решении или постановлении либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции...»*.

Так, ни Суд первой инстанции, ни Суд апелляционной инстанции не установили, что арбитражные суды по Налоговому спору Истца сконструировали новый договор с тремя условиями: сторонами (Истцом и Ответчиком), предметом (продажа прав на Товарный знак), ценой 131.000.000-00 евро.

Это новое обстоятельство было установлено именно Судом по интеллектуальным правам в нарушение положений статей 65 и 287 АПК РФ, что является существенным процессуальным нарушением.

Верховный Суд Российской Федерации¹² неоднократно высказывал позицию о том, что установление судом кассационной инстанции новых фактических обстоятельств по делу является основанием для отмены акта суда кассационной инстанции. Так, например, отменяя акт Арбитражного суда Московского округа, ВС РФ в своём Определении № 305-ЭС18-15149 от 29.01.2019 г. указал:

«При рассмотрении настоящего дела суд округа не выполнил возложенную на него обязанность по установлению нарушения норм материального права и норм процессуального права. Фактически судом кассационной инстанции была произведена переоценка доказательств по настоящему делу, изложены выводы, противоречащие установленным при рассмотрении настоящего дела фактам и доказательствам. Указанные обстоятельства свидетельствуют о нарушении судом кассационной инстанции норм процессуального права».

¹⁰ Далее по тексту – **Товарный знак**;

¹¹ Далее по тексту – **АПК РФ**;

¹² Далее по тексту – **ВС РФ**;

Во-вторых, в действительности суды при рассмотрении Налогового спора Истца не конструировали какую-либо новую сделку.

Поскольку предметом Налогового спора Истца была законность решения налогового органа о доначислении Истцу налога на доход, вменённый ему в связи с продажей Бизнеса Аквалор, постольку арбитражные суды установили обстоятельства, входящие в предмет доказывания по такого рода налоговым делам, а именно: установили фактического продавца и цену, за которую был продан актив. При этом арбитражные суды указали «товарный знак» в качестве обобщающего термина для обозначения объекта продажи (важно, что Права на заявки позволяли в дальнейшем Ответчику получить права на два товарных знака «Аквалор» и «Aqualog», в связи с чем арбитражные суды, учитывая, что ими рассматривается налоговый спор о схеме продажи актива (Товарного знака и Прав на заявки), решили обобщённо такой актив обозначать термином «Товарный знак»).

То есть при рассмотрении Налогового спора Истца арбитражные суды не преследовали цель конструирования условий гражданско-правовой сделки между Истцом и Ответчиком, а лишь установили обстоятельства, входившие в предмет доказывания по Налоговому спору Истца.

Поэтому Суд по интеллектуальным правам пришёл к ошибочному выводу о том, что Суды первой и апелляционной инстанции не учли в полной мере выводы арбитражных судов по Налоговому спору Истца.

Более того, необходимо отметить, что Суд по интеллектуальным правам необоснованно указал, что сторонами спора не оспаривается факт, что при рассмотрении настоящего спора суды пришли к выводу о притворности цепочки сделок.

Истец обращает внимание, что он последовательно занимал позицию о том, что Суд первой инстанции признал притворным только Договор о передаче Прав на заявки. Вопрос о притворности каких-либо иных сделок им не разрешался. Эта позиция Истца содержится в его отзывах на апелляционную и кассационную жалобы Ответчика, а также в иных пояснениях Истца.

В-третьих, Суд первой инстанции, учтя в полном объёме установленные при рассмотрении Налогового спора Истца обстоятельства (вывод о фактическом продавце актива – Истце), пришёл к **самостоятельному** выводу о том, что фактическим продавцом по Договору о передаче Прав на заявки был Истец:

«В этой связи суд не видит оснований не учитывать выводы арбитражных судов, рассматривавших дело № А41-103588/2017, о притворности Договора ... В этой связи, учитывая выводы арбитражных судов трех инстанций, рассматривавших дело № А41-103588/2017, всесторонне изучив материалы настоящего дела, установив фактические обстоятельства по делу, суд, руководствуясь п. 2 ст. 170 ГК РФ, приходит к выводу о притворном характере Договора в части его субъектного состава. Фактическим продавцом Прав на регистрацию товарных знаков выступала не кондуитная компания - Продавец, а Истец»¹³.

Таким образом, Суд первой инстанции учёл в полном объёме выводы арбитражных судов, ограниченные предметом доказывания по налоговому публично-правовому спору, и самостоятельно пришёл к необходимому для разрешения частно-правового спора между Истцом и Ответчиком выводу о притворном характере именно Договора о передаче Прав на заявки в части его субъектного состава.

В-четвёртых, даже если предположить, что в рамках Налогового спора Истца арбитражными судами был сконструирован новый договор всего с тремя условиями (стороны, цена и предмет), то буквальное толкование статьи 170 ГК РФ и её дальнейшее применение, в результате которого все условия Договора о передаче Прав на заявки должны быть признаны ничтожными (в том числе условие о необходимости уплатить стоимость Прав на заявки свободной от любых налогов), ведёт к несправедливому результату.

---

¹³ С. 14 Решения суда первой инстанции;

В рамках схемы по продаже Прав на заявки и Товарного знака было заключено 5 договоров. При этом два из них (Договор о передаче Прав на заявки и Договор об отчуждении исключительного права на товарный знак от 01.11.2013 г.) были заключены компанией Баттервуд (подконтрольной руководству Истца) и Ответчиком. То есть именно эти договоры устанавливали условия продажи актива от подконтрольной Истцу компании непосредственно Ответчику.

При таких обстоятельствах неприменение к спорным отношениям между Истцом и Ответчиком основного (как по объёму, так и по содержанию, и по стоимости актива) договора, которым стороны наиболее полным образом урегулировали свои взаимоотношения (в том числе установили условие gross up), приведёт просто к несправедливому результату и существенно нарушит баланс интересов в пользу Ответчика.

Если бы арбитражные суды при рассмотрении Налогового спора Истца действительно сконструировали новый договор всего из трёх условий, тогда применение диспозитивных норм ГК РФ к вновь созданной конструкции просто разрушило огромное количество договорённостей между Истцом и Ответчиком (в том числе условие о чистой цене Прав на заявки), которых нет никаких разумных оснований считать ничтожными.

Действительно, Договор о передаче Прав на заявки и Договор об отчуждении исключительного права на товарный знак от 01.11.2013 г. носили притворный характер с точки зрения именно субъектного состава.

Действительно, заключение этих договоров с рядом других (опосредовавших переход активов от Истца к Эльвинто Альянс Инк, и от последнего к Баттервуд Холдингс Лтд., то есть регламентирующих отношения, возникшие между подконтрольными Истцу кондуитными компаниями), среди прочего, было направлено на создание схемы для ухода от уплаты налогов (преследовало публично-правовую цель). Но при этом необходимо отметить, что заключение Договора о передаче Прав на заявки и Договора об отчуждении исключительного права на товарный знак от 01.11.2013 г. в отличие от остальных сделок, преследовавших исключительно цель создания налоговой схемы, было направлено на обмен ценностями (деньги взамен Товарного знака и Прав на заявки) между Истцом и Ответчиком, то есть преследовало частно-правовую цель. И стороны этих договоров, зная, что фактически продавцом выступает Истец, признавали в остальной части эти договоры действительными и полностью придерживались их условий до того момента, как Ответчик отказался доплатить стоимость Прав на заявки Истцу.

Именно поэтому неприменение при рассмотрении настоящего частно-правового спора положений Договора о передаче Прав на заявки, в котором Истец и Ответчик предусмотрели все условия обмена ценностями между собой, приведёт к несправедливому разрешению настоящего спора.

В этой связи, по мнению Истца, **Суды первой и апелляционной инстанций правомерно признали Договор о передаче Прав на заявки ничтожным лишь в части субъектного состава, тогда как Суд по интеллектуальным правам неправильно применил нормы материального права, признав его ничтожным полностью.**

В-пятых, Суд по интеллектуальным правам, указав, что: «... в иных договорах аналогичное условие (gross up) отсутствовало», дал оценку договорам, которых нет в материалах дела. Так, в материалах дела есть только копии Договора о передаче Прав на заявки и Договора об отчуждении исключительного права на товарный знак от 01.11.2013 г. При этом копий рамочного договора, устанавливающего общие условия сделки по продаже Бизнеса Аквалор, или каких-либо ещё договоров в материалах дела нет.

Судебная практика, в частности, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.05.2018 г. по делу № А40-68004/2017, свидетельствует о незаконности и необходимости отмены судебных актов, вынесенных с нарушением норм процессуального права по всестороннему исследованию доказательств, в том числе положений статей 71, 168^{п.1}, 170^{п.4пп.2}, 271^{п.2пп.12} АПК РФ, и подтверждает, что **выводы судов о содержании документа, отсутствующего в материалах дела,**

не могут быть признаны соответствующими материалам дела, что может привести к принятию неправильных судебных актов.

Таким образом, Суд по интеллектуальным правам, во-первых, в очередной раз установил новые обстоятельства по делу (факт отсутствия тех или иных условий в договорах, не исследованных Судами первой и апелляционной инстанций), а, во-вторых, установил эти обстоятельства без наличия каких-либо доказательств, подтверждающих эти обстоятельства, что является существенным нарушением норм процессуального права, а именно статьи 287_{п.2} АПК РФ.

2. Суд по интеллектуальным правам пришёл к ошибочному выводу, что Договор о передаче Прав на заявки не содержит условие об обязанности Ответчика уплатить их стоимость свободной от любых налогов.

К указанному выводу Суд по интеллектуальным правам пришёл путём следующей цепочки суждений:

- Поскольку в момент вступления Ответчика в переговоры по покупке Товарного знака последний принадлежал компании Эльвинто (Кипр), постольку Ответчик не мог взять на себя обязательства компенсировать налог на прибыль Истцу по российскому праву;
- В этой связи требование Истца является требованием об изменении цены Договора о передаче Прав на заявки;
- Также стороны не согласовали условия о переносе риска неправильного понимания налогового законодательства на Ответчика.

Между тем, Суд по интеллектуальным правам допустил существенные нарушения норм материального и процессуального права при формировании указанной цепочки суждений на основании нижеприведённых доводов.

Во-первых, как было указано ранее, согласно статье 287_{п.2} АПК РФ арбитражный суд, рассматривающий дело в кассационной инстанции, не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены в решении или постановлении либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции. Между тем, **приведённое Судом по интеллектуальным правам толкование условий Договора о передаче Прав на заявки, отличное от толкования, приведённого Судами первой и апелляционной инстанций, является актом переоценки имеющихся в деле доказательств и установления новых обстоятельств.**

ВС РФ неоднократно указывал, что вопросы толкования договора входят в сферу установления фактических обстоятельств по делу, а потому не относятся к компетенции суда кассационной инстанции. Так, например, в своём Определении № 304-ЭС20-12572 от 16.09.2020 г. по делу № А45-9079/2019 ВС РФ указал следующее:

«Изменяя решение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении встречного иска в части, суд апелляционной инстанции, исследовав обстоятельства заключения договора и вопрос о действительной воле сторон при заключении договора, истолковав условия договора в соответствии с положениями статьи 431 Гражданского кодекса Российской Федерации, разъяснениями, изложенными в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», установив, что сторонами достигнуто соглашение о порядке определения цены товара; порядок определения цены товара согласован сторонами в пункте 2.1 договора. ...

Доводы, изложенные в кассационной жалобе, об изменении сторонами цены товара, о порядке определения цены товара были рассмотрены судами и им дана надлежащая оценка. ...

По существу доводы жалобы направлены на переоценку доказательств по делу и установленных фактических обстоятельств, что не входит в полномочия суда при кассационном производстве».

А в Определении ВС РФ № 305-ЭС18-17876 от 30.12.2019 г. высшая судебная инстанция и вовсе указала:

«Доводы общества «Газпром» о несогласии с толкованием судами условий договора подряда по существу направлены на переоценку установленных по делу фактических обстоятельств...».

Аналогичная позиция ВС РФ содержится также, например, в Определении ВС РФ № 05-ЭС20-12788 от 31.08.2020 г.

Во-вторых, необоснованно отвергнув буквальное толкование положений Договора о передаче Прав на заявки, приведённое Судом первой инстанции и поддержанное Судом апелляционной инстанции, Суд по интеллектуальным правам сразу перешёл к третьему этапу толкования, предусмотренному статьёй 431 ГК РФ, – к толкованию воли сторон.

При этом, согласно правилам толкования договоров, установленным статьёй 431 ГК РФ, ко второму этапу толкования – системному толкованию, суд может перейти только в случае невозможности уяснения смысла положений договора путём их буквального толкования. К третьему же этапу суд может перейти, если установить смысл положений договора невозможно на первом и на втором этапе.

Суд по интеллектуальным правам не привёл никаких обоснований невозможности истолковать положения Договора о передаче Прав на заявки буквально или системно. Таким образом, Суд по интеллектуальным правам нарушил положения статьи 431 ГК РФ.

В-третьих, на стадии толкования воли сторон Договора о передаче Прав на заявки Суд по интеллектуальным правам переоценил имеющиеся в материалах дела доказательства.

Так, уже Суд первой инстанции указал: *«Также суд соглашается с доводом Истца о том, что воля сторон Договора установить стоимость Прав на регистрацию товарных знаков свободной от любых налогов подтверждается четырьмя обстоятельствами»¹⁴.*

Однако Суд по интеллектуальным правам решил переоценить имеющиеся в деле доказательства, установив самостоятельно действительную волю сторон, указав, что *«... при согласовании условий договора (Ответчик) никак не мог не иметь в виду налоги, подлежащие уплате по законодательству Российской Федерации»¹⁵*, тем самым существенно нарушив процессуальные нормы статьи 287 АПК РФ.

В-четвёртых, даже если предположить, что Суд по интеллектуальным правам правомерно перешёл к этапу выяснения действительной воли сторон Договора о передаче Прав на заявки, он ошибочно пришёл к выводу, что Ответчик никак не мог согласиться уплатить стоимость Прав на заявки сверх российских налогов Истца, поскольку в момент вступления в переговоры Ответчик не имел с Истцом никаких отношений.

Этот вывод Суда по интеллектуальным правам прямо противоречит выводам, сделанным арбитражными судами при рассмотрении Налогового спора Истца.

Так, на странице 18 Решения Арбитражного суда Московской области по Налоговому спору Истца суд установил: *«Вышеуказанные обстоятельства подтверждаются формальным отчуждением товарного знака от Общества в адрес компании Эльвинто Альянс Инк, не повлиявшем на производственные процессы компании, включение в цепочку сделок по реализации товарного знака путем согласованных действий с АО «НИЖФАРМ» кипрской компании-кондута – Баттервуд Холдингс Лимитед, **взаимодействие ЗАО «Фармамед» с АО «Нижфарм» в ходе всего***

¹⁴ С. 15 Решения Суда первой инстанции

¹⁵ С. 23 Постановления;

процесса реализации товарного знака¹⁶, что подтверждается представленной электронной перепиской».

Таким образом, Суд по интеллектуальным правам не просто отвергает обстоятельства, установленные по настоящему делу нижестоящими судами (что уже само по себе является существенным процессуальным нарушением), но и отвергает установленные по Налоговому спору Истца обстоятельства, которые сам же Суд по интеллектуальным правам, как было указано ранее, считает необходимым учитывать в полном объёме.

В этой связи, как бы парадоксально это ни звучало в рамках жалобы на постановление суда кассационной инстанции, установленные Судом по интеллектуальным правам фактические обстоятельства дела противоречат имеющимся в материалах дела доказательствам, а также выводам, сделанным арбитражными судами при рассмотрении Налогового спора Истца.

В-пятых, Суд по интеллектуальным правам в нарушение статьи 287 АПК РФ отверг выводы, сделанные Судом первой инстанции, о том, что стороны перенесли риск неправильного понимания налогового законодательства на Ответчика.

Так, в Решении Суда первой инстанции указано: *«Суд считает, что в момент заключения Договора стороны не знали о необходимости удержания Ответчиком налога с доходов Истца. При этом стороны Договора перенесли риск неправильного понимания налогового законодательства при определении окончательной цены Договора, что допускается, учитывая принцип свободы договора (статья 421 ГК РФ) и позицию, изложенную в Определении Верховного Суда РФ от 23.11.2017 № 308-ЭС17-9467».* Суд посчитал, что, устанавливая условие gross up в интересах руководства Истца, стороны фактически договорились о переносе риска неправильного понимания налогового законодательства на Ответчика. К этому выводу Суд первой инстанции, очевидно, пришёл путём оценки целого ряда доказательств (в том числе переписки отдельных сотрудников Ответчика, руководства Истца и т.д.).

Истец обращает внимание суда на то, что вопрос о наличии или отсутствии условия о переносе риска неправильного понимания налогового законодательства в Договоре о передаче Прав на заявки является вопросом установления по делу фактических обстоятельств (вопросом толкования договора), который, как уже неоднократно указывал Истец, не входит в предмет рассмотрения суда кассационной инстанции.

Суд по интеллектуальным правам же решил переоценить имеющиеся в деле доказательства, отверг фактические обстоятельства, установленные нижестоящими судами, тем самым допустив существенное нарушение норм процессуального права.

3. Суд по интеллектуальным правам пришёл к ошибочному выводу о пропуске Истцом срока исковой давности.

К указанному выводу Суд по интеллектуальным правам пришёл путём следующей цепочки суждений:

- Поскольку Истец был признан виновным в умышленном создании налоговой схемы путём заключения притворных сделок, постольку он должен был знать о том, что Ответчик не доплатил ему стоимость Прав на заявки в размере доначисленного ему налога на прибыль в дату, когда Истец должен был уплатить этот налог в бюджет, а именно 28.03.2015 г.;
- Поскольку общий срок исковой давности составляет 3 года, постольку срок судебной защиты права Истца истек 28.03.2018 г. Следовательно, Истец заявил иски за пределами срока исковой давности.

---

¹⁶ Как было указано ранее, понятие «Товарный знак» используется арбитражными судами при рассмотрении Налогового спора Истца, как общий термин, обозначающий актив, проданный через сконструированную Истцом и Ответчиком налоговую схему;

Истец не может согласиться с постановленным выводом Суда по интеллектуальным правам ввиду нижеследующего.

В соответствии со статьёй 196^{п.1} и статьёй 200^{п.1} ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

Поскольку Налоговый орган вынес своё решение, которым он доначислил Истцу налог на прибыль, полученную от продажи Прав на заявки по Договору о передаче Прав на заявки, 08.06.2017 г., а вступило в силу оно 01.09.2017 г., то есть в дату принятия УФНС России по Московской области решения № 0712/084246 по жалобе Истца на решение Налогового органа, именно 01.09.2017 г. Истец узнал о том, что он признан реальным продавцом по Договору о передаче Прав на заявки, а его доход по Договору о передаче Прав на заявки подлежит налогообложению. До этого момента, вне зависимости от размышлений Истца и Ответчика о порядке налогообложения доходов Истца по Договору о передаче Прав на заявки, **у Истца не было фактической возможности** заявить иск к Ответчику, поскольку он ещё не был признан продавцом по Договору.

Во-первых, до привлечения к налоговой ответственности **Истец не знал, уплатил ли налог по Договору о передаче Прав на заявки как налог у источника выплат Ответчик.**

Во-вторых, вне зависимости от того, что думал о реальном налогообложении сделки Истец, **недоплата цены по Договору о передаче Прав на заявки стала объективной реальностью только в момент начисления Истцу налога на прибыль по Договору о передаче Прав на заявки; до этого Истец не мог обратиться с иском к Ответчику, так как нарушенного права не существовало, Истец не смог бы доказать Ответчику недоплату цены Прав на заявки.** На основании изложенного **срок исковой давности по требованиям, изложенным в рассмотренном в рамках настоящего дела иске, не мог истечь ранее 01.09.2020 г.** (или уж во всяком случае ранее 08.06.2020 г.)

Впреки выводам Суда по интеллектуальным правам о том, что Истец всегда считал продавцом по Договору о передаче Прав на заявки именно себя и должен был задекларировать доход и уплатить с него налог ещё в 2015 году, Истец не знал и не мог знать о том, что именно его арбитражные суды по Налоговому спору Истца признают стороной (продавцом) по Договору о передаче Прав на заявки. Тот факт, что Истец создал по инициативе Ответчика налоговую схему и сознавал в момент её создания, что Договор о передаче Прав на заявки является притворной сделкой, не означает, что он точно сознавал какую именно сделку и с каким субъектным составом Договор о передаче Прав на заявки прикрывает; как видно из имеющихся в материалах дела доказательств, стороны при заключении Договора о передаче Прав на заявки не задумывались о действительном субъектном составе сделки и надеялись, что благодаря структуре сделки налоговых последствий не возникнет ни для кого из них.

В этой связи Суд первой инстанции обоснованно указал:

«При этом довод Ответчика о том, что Истец должен был знать о подлежащем уплате налоге не позднее 28 марта 2015 года, отклоняется судом, поскольку из материалов дела следует, что и Истец, и Ответчик заблуждались относительно необходимости уплаты налога на прибыль, полученной Истцом от продажи Прав на регистрацию товарных знаков».

То есть Истец согласился продать Ответчику Права на заявки через кипрскую конduitную компанию (согласился создать налоговую схему) для того, чтобы избежать налоговых последствий в виде удержания налога на прибыль (налога у источника выплат) Ответчиком сверх цены Прав на заявки. Следовательно, Истец был убеждён в момент заключения Договора о передаче Прав на заявки в том, что если налоговые последствия и возникнут, то налог у источника выплат согласно законодательству будет взыскан с Ответчика, а не с Истца, и для того, чтобы удержание такого налога, если бы Ответчик всё-таки решил бы его удержать самостоятельно (или его бы с Ответчика взыскал налоговый орган), не уменьшило сумму вознаграждения Истца по Договору о передаче Прав на заявки, включил в Договор о передаче Прав на заявки условие о цене Прав на заявки свободной от любых налогов. При этом в действительности Истец даже точно не знал, уплатил ли налог Ответчик или нет до тех пор, пока Налоговый орган не вынес своё решение, которым он

доначислил Истцу налог на прибыль, полученную от продажи Прав на заявки по Договору о передаче Прав на заявки. Ответчик вполне мог самостоятельно исчислить и уплатить налог у источника выплат по Договору о передаче Прав на заявки, равно как Ответчик уплатил НДС по Договору о передаче Прав на заявки, и Истец бы об этом не узнал.

Фактическая возможность защитить свои права у Истца появилась только после вынесения решения Налоговым органом о доначислении налога на прибыль Истцу, так как до того момента задолженность по Договору о передаче Прав на заявки у Ответчика в принципе отсутствовала, так как Истец полагал, что либо обязанности по уплате налогов ни у кого нет, либо Ответчик уплатил налог у источника выплат самостоятельно сверх цены Прав на заявки, как и НДС, а, следовательно, цена Прав на заявки считалась уплаченной в полном объёме. Истцу не о чем было предъявлять претензии на тот момент Ответчику. Только после начисления налога на прибыль Истцу появилось нарушение условия Договора о передаче Прав на заявки об оплате, так как именно с этого момента цена Прав на заявки оказалась уплаченной не в полном объёме, и у Истца возникло право требования доплаты цены Прав на заявки по Договору о передаче Прав на заявки.

В связи с вышеизложенным Суд апелляционной инстанции в своём Постановлении по настоящему делу (стр. 15) обоснованно отклоняет довод Ответчика о якобы имевшем месте пропуске срока исковой давности Истцом:

«Таким образом, именно 01.09.2017 Истец узнал о том, что Ответчик должен был соответствующим образом увеличить (на 20 %) выплачиваемую им стоимость Прав на регистрацию товарных знаков. То есть Истец узнал о нарушении его прав по Договору именно 01.09.2017, в связи с чем срок исковой давности по требованиям, изложенным в настоящем иске, не может истечь ранее 01.09.2020».

Другое толкование закона привело бы к неосновательному обогащению Ответчика за счёт Истца и произвольному освобождению Ответчика от добровольно принятых им на себя по Договору о передаче Прав на заявки обязанностей, что недопустимо.

На основании изложенного Суд по интеллектуальным правам необоснованно пришёл к выводу о пропуске Истцом срока исковой давности.

4. Суд по интеллектуальным правам ошибочно применил к отношениям сторон эстoppel.

В Постановлении Суд по интеллектуальным правам указал, что право Истца не подлежит судебной защите, так как:

- Истец при рассмотрении Налогового спора Истца заявлял, что процесс продажи Прав на заявки Ответчику был неподконтролен ему, а впоследствии заявил требование о взыскании задолженности как сторона Договора о передаче Прав на заявки;
- Поведение Истца носит противоречивый характер, что запрещено принципом эстoppel.

Указанный довод Суда по интеллектуальным правам является незаконным и необоснованным на основании нижеследующего.

Во-первых, само по себе противоречивое поведение не является неправомерным и не должно влечь применения статьи 10 ГК РФ. Такая реакция обоснована лишь в определённых случаях, когда такая противоречивость в контексте конкретных обстоятельств подрывает **разумное доверие другой стороны** и влечёт явную несправедливость.

У последней должны сложиться определённые ожидания в отношении дальнейшего поведения другого лица. Фактор обоснованности доверия предполагает, что сторона имела хотя бы какие-то разумные основания для того, чтобы полагаться на поведение контрагента.

Поскольку Ответчик не был участником Налогового спора Истца, а заявления Истца имели своей целью защиту интересов Истца в рамках публично-правового спора с налоговым органом и не были адресованы Ответчику, постольку у Ответчика никак не могли сложиться правовые

ожидания о том, что Истец не будет считать себя стороной по Договору о передаче Прав на заявки, особенно учитывая установленный судами в рамках Налогового спора Истца факт¹⁷ того, что Ответчик при покупке актива взаимодействовал непосредственно с Истцом на всех этапах продажи актива.

Во-вторых, принцип добросовестности (статья 1_{п.п.3,4}, статья 10_{п.2} ГК РФ) посредством правила о недопустимости противоречивого поведения призван вмешиваться в конкретных ситуациях с учётом всех обстоятельств, только если будет установлено, что формально правомерное поведение идёт вразрез с целями правового регулирования и при этом **наносится существенный ущерб правам и интересам другой стороны.**

Истец не может даже предположить, какой вред Ответчику могло нанести его утверждение о неподконтрольности ему процесса продажи Прав на заявки, сделанное им в рамках Налогового спора Истца, в котором, как было указано ранее, Ответчик не был ни стороной, ни третьим лицом.

Истец считает особенно важным отметить то обстоятельство, что Суд по интеллектуальным правам в Постановлении также указал, что принцип эстоппель запрещает не всякое противоречивое поведение, а только такое поведение, которое наносит вред контрагенту:

«Главная задача принципа эстоппель – не допустить, чтобы вследствие непоследовательности в своем поведении сторона получила выгоду в ущерб другой стороне»¹⁸.

При этом Суд по интеллектуальным правам оценил действия Истца следующим образом: *«Суд по интеллектуальным правам полагает, что высказав позицию об отсутствии какого-либо контроля в отношении дальнейшего перехода исключительного права на товарный знак «Aqualog Аквалор» общество «Фармамед» фактически утратило право в дальнейшем иначе интерпретировать ситуацию, связанную с переходом исключительного права на этот товарный знак, в том числе и заявлять требование о взыскании с конечного приобретателя задолженности за переданное право»¹⁹.*

Важно отметить, что судебная практика на уровне арбитражных судов округов подтверждает необходимость указанных двух условий (наличие вреда и создание правовых ожиданий контрагента) для применения принципа эстоппель.

Так, в своём Постановлении от 12.08.2020 г. по делу № А40-61458/2019 Арбитражный Суд Московского округа указал:

*«По сути, эстоппель предполагает воспрепятствование стороне получить преимущества и выгоду вследствие непоследовательности и противоречивости своего поведения **в ущерб другой стороне, которая добросовестно положила на юридическую ситуацию, созданную первой стороной.***

А в своём Постановлении от 23.07.2020 г. по делу № А75-9293/2019 Арбитражный суд Северо-Западного округа указал следующее:

*«Однако противоречивость поведения имеет негативный характер только являясь недобросовестным, когда субъект оборота намеренными действиями, осознавая их непоследовательность и избирательную направленность в зависимости от ситуативной выгоды, **обманывает правомерные ожидания своих контрагентов, рассчитывавших на его предсказуемость, как если бы он вел себя так же, как любое другое лицо, поступающее сообразно доброй совести и разумной осмотрительности в делах.***

---

¹⁷ Об этом было указано ранее в настоящей жалобе;

¹⁸ С. 27 Постановления;

¹⁹ С. 28 Постановления;

Аналогичная позиция высказана в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 05.03.2020 г. по делу № А65-23997/2018, Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.06.2019 г. по делу № А59-454/2018.

Между тем, **Суд по интеллектуальным правам никак не обозначил, какие правовые ожидания возникли или могли возникнуть у Ответчика в связи с заявлением, сделанным Истцом в рамках другого дела, и тем более не обозначил какой вред эти заявления нанесли Ответчику.**

В-третьих, как было указано ранее, заявление о неподконтрольности Истцу процесса продажи Прав на заявки было сделано Истцом в рамках публично-правового спора с налоговым органом.

При этом статья 108_{п.6} Налогового кодекса Российской Федерации закрепляет презумпцию невиновности налогоплательщиков. Лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке. Делая соответствующее заявление, Истец реализовывал своё право на защиту и право не признавать вину во вменяемом ему налоговом правонарушении. **Отказывать Истцу в защите его гражданских прав на том основании, что он отказывался признавать вину в налоговом правонарушении, означало бы полностью низвергать значение принципа презумпции невиновности.**

В этой связи **Суд по интеллектуальным правам ошибочно применил к отношениям сторон статью 10 ГК РФ.**

5. Постановление нарушает принцип правовой определённости.

Принцип правовой определённости выполняет важную роль в правовом регулировании хозяйственных отношений, обеспечивая, в том числе, их стабильность. Кроме того, принцип правовой определённости создаёт прочную основу для реализации других основополагающих принципов права, к числу которых относятся равенство участников хозяйственного оборота, поддержание доверия граждан и предприятий к закону и судебной системе, принципы привлечения к юридической ответственности и др. Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод, что Конституционный Суд Российской Федерации²⁰ и Европейский Суд по правам человека²¹ относят принцип правовой определённости к многоаспектным и общеправовым принципам.

Суммируя правовые позиции КС РФ²² и ЕСПЧ²³, содержание принципа правовой определённости складывается, из ясных, недвусмысленных и понятных правовых предписаний, которые, во-первых, **позволяют субъектам права чётко понимать последствия своего поведения**; во-вторых, создают необходимую основу для реализации права, толкования и правоприменения. Вместе с тем, **принцип правовой определённости гарантирует участникам правоотношений отсутствие произвольных и непредсказуемых изменений их официально признанного правового статуса, а также обеспечивает устойчивость и неизменность выводов, изложенных в решениях судов, вступивших в законную силу.**

ВС РФ в своих актах достаточно часто ссылается на содержание принципа правовой определённости. Так, в Определении ВС РФ от 05.08.2005 г. № 8-В05-6 суд удовлетворил иск с учётом положений статей 6, 15, 17, 18, 19, 55 Конституции Российской Федерации, предполагающих

²⁰ Далее по тексту – КС РФ;

²¹ Далее по тексту – ЕСПЧ;

²² См., например, Определения КС РФ от 04.04.2006 г. №113-0, от 08.12.2011 г. №° 1616-О-О, от 29.05.2012 г. № 1033-0, Постановления КС РФ от 27.05.2008 г. № 8-П, от 05.02.2007 г. № 2-П, от 11.05.2005 г. № 5-П, от 17.11.2005 г. № 11-П, от 19.03.2010 г. № 7-П, от 21.12.2011 г. № 30-П;

²³ См., например, Постановление от 22.06.2006 г. «Чеботарев против России» жалоба № 23795/02, от 25.04.2006 г. «Засурцев против России» жалоба № 670551/01, Постановление от 01.12.2005 г. «Смарыгин против Российской Федерации» жалоба № 73203/01; Постановление от 25.10.2005 г. «Юрий Романов против Российской Федерации» жалоба № 69341/01; Постановление от 06.10.2005 г. «Андросов против Российской Федерации» жалоба № 63973/00.

правовую определённость и связанную с ней предсказуемость законодательной политики, необходимых для того, чтобы участники соответствующих правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в том, что приобретенное ими на основе действующего законодательства право будет уважаться властями и будет реализовано. В Определении ВС РФ от 12.12.2008 г. № 38-В08-6 указано, что при разрешении настоящего дела следует принять во внимание один из основополагающих аспектов верховенства права – принцип правовой определённости, который, кроме сего прочего, требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло быть оспорено. Полномочия вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу. Отступления от этого принципа оправданы, только когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера.

Баланс соблюдения публично-правовых и частно-правовых интересов при отправлении правосудия требует, чтобы в полном соответствии с принципом правовой определённости лицо, признанное судом в одном деле виновным в каком-либо правонарушении на основании установленных обстоятельств дела, имело возможность использовать данные обстоятельства для защиты своего частно-правового интереса в другом деле.

Несмотря на то, что предмет доказывания в публично-правовом по своему характеру Налоговом споре Истца и частно-правовом споре по настоящему делу не совпадают, **в обоих делах краеугольным являлось такое обстоятельство как признание Истца стороной (продавцом) Договора о передаче Прав на заявки, ввиду чего противоположное толкование данного обстоятельства в разных делах нарушает единообразие судебной практики и принцип правовой определённости и приводит к нарушению баланса публично-правовых и частно-правовых интересов, приводя к ущемлению права на защиту Истца в частно-правовом споре.**

Истец был признан налоговым органом продавцом Прав на заявки и, следовательно, стороной Договора о передаче Прав на заявки и на этом основании с него была взыскана в бюджет недоимка по налогу на прибыль, а также Истец был привлечён к налоговой ответственности. Судебные акты по Налоговому спору Истца, вступившие в законную силу, подтвердили верность вывода налогового органа о статусе Истца как продавца Прав на заявки. Это публично-правовой аспект применения данного обстоятельства. Последствием такого толкования стало взыскание с Истца в пользу Российской Федерации денежных средств.

В то же время в Постановлении Суд по интеллектуальным правам, постоянно ссылаясь на судебные акты по Налоговому спору Истца и заявляя о том, что выводы судов по настоящему делу не должны противоречить выводам судов по Налоговому спору Истца, сам грубо игнорирует главное установленное обстоятельство в Налоговом споре Истца – статус Истца как продавца Прав на заявки и стороны Договора о передаче Прав на заявки. Суд по интеллектуальным правам сознательно лишает Истца права на защиту своего частно-правового интереса против Ответчика, отказывая Истцу в праве применить в частно-правовом споре с Ответчиком обстоятельство, применённое против самого Истца в публично-правовом споре государством в лице налогового органа. Получается, что в налоговом споре **суд признаёт Истца стороной Договора о передаче Прав на заявки, а когда Истец пытается взыскать денежные средства с Ответчика на основании Договора о передаче Прав на заявки, ссылаясь на установленное ранее судами обстоятельство о том, что Истец является продавцом Прав на заявки и стороной Договора о передаче Прав на заявки, суд отказывает Истцу в признании его такого статуса.**

Не опровергая того очевидного факта, что судебные акты по Налоговому спору Истца не являются преюдициальными для настоящего дела, но и принимая во внимание то, что Суд по интеллектуальным правам при рассмотрении настоящего дела продекларировал вслед за судами первой и второй инстанций учёт выводов судебных актов по Налоговому спору, представляется очевидным, что **толкование в Постановлении обстоятельств дела таким образом, что Истец, уплативший налог на прибыль как продавец Прав на заявки, не может реализовать свои права продавца по Договору о передаче Прав на заявки в частно-правовом споре с Ответчиком, является грубым нарушением принципа правовой определённости.** Очевидно, что Истец,

признанный всеми судебными инстанциями в рамках Налогового спора Истца стороной Договора о передаче Прав на заявки в целях налогообложения, разумно надеялся на сохранение его нового официально признанного правового статуса стороны Договора о передаче Прав на заявки в частно-правовом споре о взыскании задолженности с Ответчика. Отказ со стороны Суда по интеллектуальным правам в признании Истца продавцом Прав на заявки позволяет Ответчику получить неосновательное обогащение, воспользовавшись нарушением принципа правовой определённости: взыскивать задолженность с Ответчика получается некому. Такое потворство противоправному повелению Ответчика не отвечает задачам правосудия.

На основании изложенного **Истец полагает Постановление нарушающим международно-правовой и конституционный принцип правовой определённости, что само по себе должно влечь отмену Постановления судебным актом ВС РФ.**

Согласно статье 291.1.ч.1 АПК РФ судебные акты могут быть полностью обжалованы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации в порядке кассационного производства лицами, участвующими в деле, если в оспариваемых судебных актах содержатся существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, повлиявшие на исход судебного разбирательства и приведшие к нарушению их прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В соответствии со статьёй 291.1.ч.2 АПК РФ кассационные жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации подаются, в том числе, на вступившие в законную силу постановления Суда по интеллектуальным правам, принятые по результатам рассмотрения кассационной жалобы.

Поскольку Истец является лицом, участвующим в деле, отказ в удовлетворении его иска привёл к невозможности получить часть цены за проданный актив, что является законным интересом в сфере предпринимательской деятельности, а в Постановлении, как видно из вышеизложенного, имеются существенные нарушения норм материального права и норм процессуального права, повлиявшие на исход судебного разбирательства и приведшие к отказу в удовлетворении иска по настоящему делу, Постановление может быть полностью обжаловано Истцом в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации в порядке кассационного производства.

Согласно статье 291.14.ч.1п.4 АПК РФ Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации по результатам рассмотрения кассационной жалобы вместе с делом вправе оставить в силе один из принятых по делу судебных актов. Следовательно, Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации по результатам рассмотрения кассационной жалобы Истца на Постановление вместе с настоящим делом вправе оставить в силе Решение Суда первой инстанции от 26.12.2019 г. и Постановление Суда апелляционной инстанции от 22.06.2020 г. по делу № А40-198919/2019, отменив Постановление.

Согласно статье 291.1.ч.6 АПК РФ кассационная жалоба подаётся непосредственно в Верховный Суд Российской Федерации. Согласно статье 291.3.ч.1 АПК РФ кассационная жалоба подаётся в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации в письменной форме. Кассационная жалоба подписывается лицом, подающим жалобу, или его представителем, уполномоченным на подписание жалобы. В соответствии со статьёй 291.3.ч.5 АПК РФ к кассационной жалобе прилагаются:

- 1) копии обжалуемого судебного акта и других судебных актов, принятых по делу, которые должны быть заверены соответствующим судом;
- 2) документы, подтверждающие уплату государственной пошлины в установленных порядке и размере или право на получение льготы по уплате государственной пошлины, либо ходатайство о предоставлении отсрочки, рассрочки уплаты государственной пошлины, об уменьшении ее размера;
- 3) доверенность или иной документ, подтверждающие полномочия на подписание кассационных жалобы, представления.

К настоящей кассационной жалобе Истец приложил заверенные соответствующими судами копии Решения Суда первой инстанции от 26.12.2019 г., Постановление Суда апелляционной инстанции от 22.06.2020 г. и Постановления по делу № А40-198919/2019, оригинал платёжного поручения Истца, подтверждающего уплату государственной пошлины в установленном порядке и размере, а также оригинал Решения акционера Истца от 01.11.2018 г. о подтверждении полномочий Генерального директора Истца Ерофеева Е.В. сроком на 5 лет и выписку из ЕГРЮЛ в отношении Истца, подтверждающие полномочия подписавшего настоящую кассационную жалобу лица (Генерального директора Истца Ерофеева Е.В.) действовать от имени Истца без доверенности.

В соответствии со статьёй 291.3^{ч.7} АПК РФ кассационная жалоба подаётся с копиями, количество которых должно соответствовать количеству лиц, участвующих в деле. Поскольку лиц, участвующих в деле, двое: Истец и Ответчик, к настоящей кассационной жалобе прилагаются две копии кассационной жалобы.

В соответствии со статьёй 291.2^{ч.1} АПК РФ кассационная жалоба подаётся в срок, не превышающий двух месяцев со дня вступления в силу последнего обжалуемого судебного акта, принятого по данному делу, в связи с чем срок кассационного обжалования Постановления не может истечь ранее **15.11.2020 г.**

Таким образом, на основании вышеизложенного и руководствуясь статьями 291.1-291.15, 287^{ч.2} АПК РФ, 10, 170, 431 ГК РФ,

ПРОШУ:

Отменить Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15.09.2020 г. по делу № А40-198919/2019 и оставить в силе Решение Арбитражного суда города Москвы от 26.12.2019 г. и Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-8235/2020 от 22.06.2020 г. по делу № А40-198919/2019.

Приложения:

1. Копия кассационной жалобы для ответчика АО «Нижфарм», 2 экз.;
2. Оригинал платёжного поручения АО «Фармамед» об уплате государственной пошлины за рассмотрение кассационной жалобы;
3. Копия Решения Арбитражного суда города Москвы от 26.12.2019 г. по делу № А40-198919/2019, заверенная Арбитражным судом г. Москвы;
5. Копия Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда № 09АП-8235/2020 от 22.06.2020 г. по делу № А40-198919/2019, заверенная Девятым арбитражным апелляционным судом;
4. Копия Постановления Суда по интеллектуальным правам от 15.09.2020 г. по делу № А40-198919/2019, заверенная Судом по интеллектуальным правам;
5. Цветная распечатка выписки из ЕГРЮЛ, полученной в электронной форме, защищённой усиленной квалифицированной электронной подписью Федеральной налоговой службы России, в отношении АО «Фармамед», подтверждающая полномочия Генерального директора АО «Фармамед» Ерофеева Е.В.;
6. Оригинал Решения акционера АО «Фармамед» от 01.11.2018 г. о подтверждении полномочий Генерального директора АО «Фармамед» Ерофеева Е.В. на 5 лет.

Генеральный директор АО «Фармамед»

Е. В. Ерофеев